

Епископ Серафим (Амельченков)

БУРГОМИСТР Б. Г. МЕНЬШАГИН И ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА СМОЛЕНЩИНЕ В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1943 гг.

Статья посвящена исследованию особенностей возрождения Православной Церкви на оккупированных российских территориях в годы Второй мировой войны. На основании уникальных исторических источников изучена существенная роль бургомистра Смоленска Б. Г. Меньшагина в возобновлении церковной жизнедеятельности на Смоленщине в период немецкой оккупации. Рефлексируются причины и акторы данного процесса. Анализируется вклад Б. Г. Меньшагина в воссоздание Церкви и ее структуры в Смоленской области, которая в 1930-х годах была фактически полностью уничтожена большевиками. Подчеркивается объективный подход Меньшагина в описании церковной действительности, характеристике духовенства и внутрицерковных отношений. Религиозные интенции Б. Г. Меньшагина актуальны для выстраивания современной адекватной парадигмы взаимоотношений пастыря с верующими, а также взаимодействия Церкви и общества. Также в рамках событийного контекста повествуется о значении Меньшагина в расследовании Катынского преступления.

Ключевые слова: Православная Церковь, Меньшагин, Вторая мировая война, немецкая оккупация, церковное возрождение, открытие храмов, Смоленская епархия, внутрицерковные отношения.

1. Постановка проблемы, характеристика источников

Возрождение Православной Церкви на оккупированных территориях в годы Второй мировой войны носило стихийный характер и осуществлялось несломленными священнослужителями и верующими людьми, выдержавшими ужасы большевистской системы 1930-х гг. Исследование архивных материалов и иных источников показывает, что восстановление церковной жизни, открытие храмов, религиозно-просветительская деятельность, каритативное служение и многое другое происходило по инициативе гражданского населения, а не по приказу немецкого военного руководства. Немцы не препятствовали ревитализации Церкви в занятых ими регионах и даже оказывали содействие этому процессу, однако не были его акторами (подр. см.: [Амельченков, 2006; Амельченков, 2012]).

Характерной чертой движения по возобновлению церковной жизнедеятельности в годы оккупации является активное участие мирян. На примере Смоленской епархии видно, что над воссозданием организма Церкви и ее миссии трудилось не только духовенство, но и значительное количество прихожан, представителей интеллигенции. Народ, измученный насильственной программной атеизацией, стремился восстановить свои духовные и культурные традиции, удовлетворить внутренние религиозные потребности души (см.: [Амельченков, 2011]).

Епископ Серафим (Амельченков Владимир Леонидович) — доктор теологии, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теологии Гуманитарного факультета Российского Государственного Социального Университета; епископ Истринский, викарий Патриарха Московского и всея Руси, Председатель Синодального Отдела по делам молодежи Русской Православной Церкви (seraphim@list.ru).

Между тем население оккупированных территорий оказалось в весьма критической ситуации. С одной стороны, эти люди лицом к лицу встретились с врагом, оказались в нацистском плену, с другой, советским руководством они *a priori* трактовались как пособники или приверженцы оккупантов. В таких тяжелейших психологических условиях, на которые также накладывались переживания за отцов, мужей и сыновей, ушедших на фронт войны, Церковь была единственным местом, где люди могли получить духовную и моральную поддержку [Амельченков, 2012, 130–131].

В данной статье исследуется вклад в возрождение Православной Церкви на Смоленщине Бориса Георгиевича Меньшагина (1902–1984), выполнявшего функцию начальника города в оккупированном немцами Смоленске. Следует отметить, что организацию повседневной гражданской жизни нацисты возлагали на само население. На плечи интеллигенции легло сложное бремя работы в городском управлении, созданном оккупационными властями. Вопреки тенденциозным советским подходам необходимо сказать, что далеко не все из тех, кто вынужденно находился на службе в гражданских оккупационных учреждениях, являлись коллаборационистами. Среди них были порядочные люди с подлинными христианскими убеждениями, считавшие необходимым служить своему народу даже в таких контрверсионных обстоятельствах (см., напр.: [Амельченков, 2014]).

Цель данной работы — анализ участия Б. Г. Меньшагина в возобновлении церковной жизни на Смоленской земле, реализована на основе уникального исторического источника — воспоминаний Меньшагина о годах нацистской оккупации. Означенный документ, озаглавленный как «Воспоминания о пережитом. 1941–1944» [Меньшагин, 2017], только начинает вводиться в научный оборот, что, в свою очередь, усиливает актуальность настоящей статьи. Б. Г. Меньшагин надиктовывал воспоминания на пленку в 1970-х гг., во время отдыха у своих друзей [Меньшагин: *Воспоминания*]. Часть из них, повествующая о предвоенном периоде, еще в советское время была вывезена за границу и издана в Париже в издательстве YMCA-Press в 1988 г. [Меньшагин, 1988]. О другой части мемуаров Меньшагина, описывающих оккупационные события, долгое время широкой публике не было ничего известно. Изучение и введение в научный цикл этого важного источника позволило вывести на поверхность новые исторические факты, заполнить многие пробелы. Таким образом, настоящая статья дополняет ранее написанные нами труды по истории Православной Церкви в годы Второй мировой войны, в том числе во время оккупации [Амельченков, 2006; Амельченков, 2012].

Воспоминания Б. Г. Меньшагина под титулом «Воспоминания о пережитом. 1941–1943» представляют собой машинопись объемом в 52 листа. На заглавном листе указано: «Написано вначале 1970-х в Москве и на подмосковной даче». А. А. Макаров поясняет, что, по всей видимости, этот документ является фрагментом мемуаров Меньшагина, поскольку на листе 2 в левом верхнем углу имеется надпись «Тетрадь № 4, с. 9». Машинопись содержит в себе часть тетради № 4 и тетради № 5, 6, 7 (см.: [Макаров: *Заметки*]). Текстовый характер воспоминаний, на наш взгляд, свидетельствует, что они печатались на машинке с рукописи. В тексте имеются, например, такие фразы: «на границе Ка[неразборчиво] и Дорогобужского районов» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 22]. Если бы Б. Г. Меньшагин сам набирал текст, то он, конечно бы, вспомнил или расшифровал наименование района [Макаров: *Заметки*].

Повествование включает период с августа 1942 г. по октябрь 1943 г. В документе описывается состав, работа и повседневная жизнь городского управления, включая внутренние конфликты и противоречия; говорится об обнаружении подпольной коммунистической организации; об эксгумации захоронений польских офицеров, расстрелянных в Катыни в 1940 г.; рассказывается о посещении делегацией сотрудников городского управления Берлина, Гамбурга и других немецких городов с остановкой в Варшаве летом 1943 г. Также повествуется об эвакуации служащих городского управления и части населения Смоленска в сентябре 1943 г. в Борисов, об уходе части горожан к партизанам перед приходом советских войск, о начале деятельности Меньшагина в должности бургомистра Бобруйска.

Значительное внимание в тексте уделено возрождению Православной Церкви на оккупированной территории Смоленской области. Данная тема охватывает около 10% всего содержания. Б. Г. Меньшагин описывает свое непосредственное участие в восстановлении церковной жизнедеятельности на Смоленщине, излагает основную событийную цепочку этого процесса, характеризует священнослужителей.

Помимо обозначенного источника, в нашей статье использован еще один не менее редкий документальный материал — машинописная расшифровка интервью с Б. Г. Меньшагиным, записанного на аудиокассету на квартире Н. П. Лисовской¹ 10 июня 1976 г. [Лисовская].

2. Деятельность Б. Г. Меньшагина до Второй мировой войны

Б. Г. Меньшагин родился 26 апреля (9 мая) 1902 г., по его словам, в Ростове-на-Дону, а крещен был в Смоленске, куда вскоре переехали его родители [Суперфин, 1988, 5]. Происходил из дворянской семьи, окончил гимназию, по своему мировоззрению был глубоко верующим человеком [Памятная книжка, 1912, 64; Памятная книжка, 1913, 70]. Об этом он говорил так: «Прежде всего, с детства как-то у меня сложились такие христианские воззрения, убеждения... я считал, что... раз Христос терпел и мучился, должны терпеть и мы нужду и всякий голод» (цит. по: [Меньшагин, 1988, 127]). Собственно, за религиозные убеждения и регулярное посещение церкви Меньшагин в 1927 г. был уволен со службы в армии, в которую вступил в 1919 г. После заочного окончания юридического факультета в Москве Б. Г. Меньшагин с 1928 г. работал адвокатом в Смоленске, затем, в декабре того же года, перешел в коллегия адвокатов при областном суде в Центрально-Черноземной области (г. Орел) [Суперфин, 1988, 5]. Переезд был вызван доносами на Меньшагина, который постоянно ходил на богослужения в Смоленский Свято-Успенский кафедральный собор. Через несколько лет выяснилось, что эти донесения на него писала дочь одного соборного священника, которая позже стала адвокатом в Смоленской коллегии [Лисовская].

В 1931–1937 гг. Б. Г. Меньшагин работал в Москве, поначалу на Авторемонтном заводе, далее — во втором парке треста «Мосавтогруза»². В 1937 г. он вновь перешел в Смоленскую адвокатскую коллегия [Суперфин, 1988, 5–6]. Это был самый разгар политических репрессий. По всей стране проходили открытые показательные процессы, процедура которых была мерзкая. Прокурор и вся публичность открыто издевались над подсудимыми, работники НКВД арестовывали свидетелей непосредственно в зале суда после данных ими показаний [Трагедия советской деревни, 2004, 56–57]. Адвокатов назначали буквально накануне судебного заседания, в связи с чем у них фактически не было времени для того, чтобы изучить материалы дела и проконсультировать своих подзащитных.

В такой обстановке Меньшагин начинал работу в Смоленске — и как адвокат пользовался большим авторитетом. Ему удалось спасти от смертных приговоров многих людей. Наиболее ярким был процесс по обвинению во вредительстве восьми руководящих работников областного животноводства 24–28 ноября 1937 г. Обвиняемыми были: начальник областного управления животноводства И. В. Кадетский, зоотехники данного управления Райхлин и Угоричев, начальник областного ветеринарного управления Коршаков, ветеринарный врач Рокачевский, начальник конезуправления Фомин, первый секретарь Вяземского райкома партии Юрмальнек и научный сотрудник Всесоюзного института экспериментальной ветеринарии в Москве (Кузьминки) профессор А. П. Юранов [Меньшагин, 1988, 41–67].

Здесь позволим себе несколько отойти от непосредственной темы статьи и кратко остановимся на описании означенного судебного процесса. Это поможет не только понять характер Б. Г. Меньшагина, глубину его личности, но также позволит объективно осмыслить его последующую деятельность в оккупационное время.

¹ Нина Петровна Лисовская (1917–2007) — биолог, общественный деятель.

² «Мосавтогруз» — трест автомобильно-грузовых перевозок.

Слушание было назначено на 24 ноября 1937 г., в выходной день, чтобы присутствовать на этом спектакулярном действии могли все желающие. По заранее спланированному, циничному сценарию подсудимые подлежали расстрелу. Лишь за день до самого процесса, 23 ноября, Б. Г. Меньшагина определили в качестве номинального защитника. Вся область ожидала расстрельных приговоров. Времени на ознакомление адвоката с делом не предусматривалось вовсе. Однако Б. Г. Меньшагин все же успел его прочитать. Оно состояло из трех томов, к которым в ходе судебного следствия добавился еще четвертый, содержащий протоколы общих собраний, проведенных в совхозах, колхозах, предприятиях и учреждениях. И везде трудящиеся постановили: «Просить пролетарский суд уничтожить гадов!» [Меньшагин, 1988, 41–47].

Суть обвинений заключалась в том, что подсудимые якобы были завербованы первым секретарем обкома Румянцевым и по его заданию занимались вредительством, уничтожали скот, срывали заготовки кормов. На предварительном следствии трое признали себя виновными, не выдержав побоев и давления. Между тем обвиняемый профессор А. П. Юранов виновным себя не признал и говорил, что действовал в соответствии с инструкцией. Его направили в командировку в племенной совхоз «Сычевка» Смоленской области для оздоровления стада, больного бруцеллезом. Выявить это заболевание можно было через прививку и наблюдение реакции агглютинации. Если корова здоровая, то она не реагирует, а если больная, то у нее появляются нарывы. Обвинение возникло на основе показаний свидетелей — малограмотных доярок данного совхоза, которые говорили: «Такая хорошая коровка! Он как кольнет ее, она на другой день заболела! Нарыв большой...» [Меньшагин, 1988, 43].

Несмотря на спланированный и тенденциозный характер судебного заседания, итог которого был предрешен властями, Б. Г. Меньшагин не побоялся выступить с ходатайством о проведении научной экспертизы, указав, что ни судьи, ни прокурор, ни защита не обладают специальными знаниями, позволяющими прийти к определенному неоспоримому выводу. Это вызвало негодование прокурора Мельникова, который заявил, что адвокат поставил своей целью сорвать процесс. В итоге суд отклонил ходатайство Б. Г. Меньшагина, признал подсудимых виновными и приговорил к расстрелу. Приговор был окончательным, обжалованию не подлежал, подано могло быть только прошение о помиловании [Меньшагин, 1988, 44–49].

29 ноября Б. Г. Меньшагин стал писать просьбы о помиловании для своих троих подзащитных. Остальным пятерым подобные прошения писал адвокат Малкин. Утром 1 декабря к Меньшагину пришли все восемь жен осужденных и просили его поехать в Москву «спасать мужей». В сложившейся ситуации вынесенный и уже вступивший в силу приговор мог быть обжалован в порядке надзора председателем Верховного суда или прокурором СССР, председателем Верховного суда РСФСР или прокурором РСФСР, которые имели право приостановить приговор и истребовать дело для проверки суда. Но допускалось это лишь в исключительных случаях. Переступая через собственный страх, а также настойчивые предостережения и опасения коллег по работе, Б. Г. Меньшагин все же решил ехать в Москву [Меньшагин, 1988, 49–50]. Сам он вспоминал об этом так: «И вот, я помню, всю ночь не могу заснуть. Что делать? С одной стороны, ведь защитник обязан, а с другой стороны, действительно правы те, что говорят, что страшно. Да я сам понимал, что страшно» [Меньшагин, 1988, 51].

Вместе с Б. Г. Меньшагиным в Москву поехали также адвокаты Малкин и Терещенко. По прибытии Меньшагин с коллегами направились в Прокуратуру СССР на Большой Дмитровке. Здесь они были приняты прокурором В. С. Тадевояном, который, посмотрев представленные ими жалобы, сказал, что не может разрешить этого дела и что им следует решать это с прокурором СССР А. Я. Вышинским. В этой связи Тадевоян назначил смоленским адвокатам прийти завтра к 10:00. После Прокуратуры Б. Г. Меньшагин направился на всенощное бдение в Дорогомиловский собор, так как был канун праздника Введения во храм Божией Матери. На следующий день

состоялась встреча с А. Я. Вышинским. Просмотрев ходатайства адвокатов, Вышинский сказал, что приостановит приговор и проведет проверку дела. Однако при этом предупредил, что если он увидит несоответствие между материалами суда и прошениями о помиловании, то сразу же возбудит против адвокатов дисциплинарное дело [Меньшагин, 1988, 51–56].

25 января 1938 г., в Татьянин день, Б. Г. Меньшагин получил телеграмму, в которой сообщалось, что приговор полностью отменен Верховным судом СССР и дело направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. Осужденные были спасены. В итоге все вышли на свободу, за исключением Юрмальнека, который был расстрелян, но по совершенно другому обвинению [Меньшагин, 1988, 56–59, 64] — по делу «латышского центра»³. Впоследствии Меньшагин считал этой своей самой большой адвокатской победой и отмечал: «Это я считаю самым лучшим своим делом. Именно потому, что было опасно, что поборол страх, в сущности, с собой, с самим собой справился... я, можно сказать, горжусь этим делом... Были и потом случаи с отменой смертного приговора, но это нормальные судебные дела, а это в такой ситуации шло, что очень боялся сам. Оно окончилось очень хорошо» [Меньшагин, 1988, 67].

Данный процесс показал не только компетентность и профессионализм Б. Г. Меньшагина, но и его человеческие качества. Благополучный исход дела поднял его престиж и популярность как защитника. В коллегии стали поступать многочисленные просьбы о назначении в качестве адвоката именно Меньшагина. Его направляли на процессы, на которых обвинения предъявлялись по статье 58-10 — «антисоветская агитация и пропаганда». Нагрузка была очень большая. Например, в 1939 г. Б. Г. Меньшагину иногда приходилось выступать в день по трем-четырем делам [Меньшагин, 1988, 60].

3. Немецкая оккупация Смоленска: назначение Б. Г. Меньшагина бургомистром

15 июля 1941 г. передовые германские части с юга вошли в Смоленск. После ожесточенных боев город был полностью захвачен немцами 29 июля. Б. Г. Меньшагин на этот момент находился в Смоленске. Он не покинул город вследствие неправильных информационных сводок, вводивших людей в заблуждение: еще утром 15 июля информировали о том, что бои идут в Борисово-Бобруйском направлении, то есть за 400 км от Смоленска. 22 июля немцы схватили Меньшагина в числе других горожан прямо на улице и поместили под арест. Это была своеобразная карательная акция в ответ на обстрел города, который вели с Покровской горы отступавшие советские войска под командованием генерала М. Ф. Лукина. Артиллеристы стреляли по городу, даже пробили навывлет один из куполов Свято-Успенского кафедрального собора. Немцы стали заирать в лагерь оставшихся мужчин. Идя по улице, Меньшагин увидел жандарма, который закричал: «Halt!» и показал пальцем: «сюда!». Куда их повели, арестованные не знали. Говорили, что нацисты вывесили объявление о том, что за каждого убитого немца будут расстреливать пятерых русских. И вот, якобы убили одного немецкого солдата — и теперь всех ведут на расстрел. В точности никто ничего не знал. Арестованных привели в пригородную деревню и загнали в хлев, где они и сидели. Меньшагина спасло ходатайство одного учителя, которого в 1940 г. он сумел оправдать в суде и избавить от ссылки. 23 июля этот человек заявил в немецкой военной комендатуре, что вчера исчез порядочный человек, квалифицированный адвокат, и описал его профессиональные качества. В тот же день в лагерь прибыл зондерфюрер и вызволил Меньшагина [Лисовская].

³ Дело «латышского центра» 1937–1938 гг. — первое крупное дело о заговоре врагов из числа бывших сотрудников спецслужб, большинство из которых были выходцами из Латвии. См.: [Симбирцев, 2008].

Сразу же Б. Г. Меньшагина привезли в немецкую комендатуру Смоленска, где комендант кричащим тоном многократно заявил ему: «Русские сами должны обслуживать себя. Русские сами должны заботиться о себе! Немцы не должны заботиться о русских! Русские сами должны заботиться о себе!». Меньшагину было сказано, что он должен организовать городское управление и что начальником города назначен профессор Смоленского педагогического института Б. В. Базилевский. Но через несколько дней решение поменялось. Изменился состав военной комендатуры. Неожиданно Базилевский стал отказываться от должности и предлагать взамен себя кандидатуру Меньшагина. Последний также отказывался, однако в комендатуре сказали, что они сами решат, и потребовали у обоих паспорта. На следующий день немцы объявили, что начальником города назначают юриста Б. Г. Меньшагина, а астронома Б. В. Базилевского — его заместителем [Лисовская]. 25 июля 1941 г. Меньшагин приступил к формированию городского управления. На начало немецкой оккупации в Смоленске насчитывалось около 25 тысяч жителей — из 165 тысяч перед войной. Позже население города несколько увеличилось за счет возвращения горожан из деревень [Шкаровский, 2002, 409].

Рассмотрение деятельности Б. Г. Меньшагина в должности бургомистра оставлено за рамками настоящей статьи. Отметим лишь, что на его совести не было кровавых преступлений. Он занимался гражданским администрированием — в меру возможностей обеспечивал повседневную жизнь смолян и заботился о порядке в городе. Согласно материалам смоленских архивов, ни один сколь-нибудь серьезный вопрос в городском управлении не решался без санкции немецкой комендатуры [К 60-летию освобождения Смоленщины, 2003, 10]. Практически все распоряжения бургомистра касались вопросов поддержания порядка в городе, предотвращения «порчи садов и парков», различных хозяйственных дел [Амельченков, 2006, 123]. По сути, Меньшагин продолжал служить людям, как он служил им в предвоенный период в качестве адвоката. Б. Г. Меньшагин в наивысшей степени соответствовал призванию адвоката, защитника. Изучение его жизненного пути подтверждает мнение о том, что в любых жизненных обстоятельствах он стремился защищать людей [Суперфин, 1988, 10]. При этом Меньшагин практически не ошибался относительно характеров тех, кто просил его помощи или совета. Эту непростую миссию Б. Г. Меньшагин выполнял в период репрессий 1930-х гг., затем в годы немецкой оккупации, и даже находясь в тюремном заключении, он давал юридические советы своему сокамернику уже в 1960-х гг. [Суперфин, 1988, 10].

4. Возобновление богослужений в Смоленском Свято-Успенском кафедральном соборе

Среди множества событий, описанных в данных документах, прежде всего следует коснуться обстоятельств возобновления богослужений в Смоленском Свято-Успенском кафедральном соборе. Указанные источники свидетельствуют, что это произошло благодаря инициативе и старанию Б. Г. Меньшагина, который сумел получить согласие немцев на открытие собора. Напомним, что большевики закрыли собор в 1933 г., в нем был устроен музей атеизма. В храме поместили антирелигиозные плакаты и карикатуры, повесили маятник Фуко и мн. др. По свидетельству очевидцев, самым кощунственным было размещение чучел животных, одетых в священнические облачения [Амельченков, 2006, 38–39]. Командующий второй танковой группой немецких войск генерал Гейнц Гудериан оставил такое описание Свято-Успенского собора на момент взятия Смоленска: «Воспользовавшись своим посещением позиций в Смоленске, я решил осмотреть кафедральный собор. Он остался невредимым. При входе посетителю бросался в глаза антирелигиозный музей, размещенный в центральной части и левой половине собора. У ворот стояла восковая фигура нищего, просящего подаяние. Во внутренней части помещения стояли восковые фигуры в натуральный человеческий рост,

показывающие в утрированном виде, как буржуазия эксплуатирует и угнетает пролетариат. Красоты в этом не было никакой...» [Гудериан, 2003, 251–252].

В ходе допросов, проходивших в Смоленске в августе 1945 г., следователь капитан НКВД Евграфов (занимался церковными делами) спрашивал Б. Г. Меньшагина о том, как состоялось открытие Свято-Успенского кафедрального собора. Меньшагин ответил на этот счет следующее: «...Это была моя инициатива. В сущности, я организовал это открытие собора, получил согласие немцев, и собор был открыт в день праздника Смоленской Божией Матери, которая находилась в этом соборе, 10 августа 1941 года» [Лисовская].

Добавим, что вскоре после оккупации Смоленска, 1 и 2 августа 1941 г., из Свято-Успенского кафедрального собора были вынесены все кощунственные антирелигиозные предметы. 3 августа в храме состоялось лютеранское богослужение для немецких военнослужащих, на котором присутствовал командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок. 10 августа, в праздник Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии, в кафедральном соборе было проведено первое православное богослужение, после чего храм уже никогда не закрывался. Как видим, возобновление богослужений в Свято-Успенском соборе в самые первые дни немецкой оккупации было обусловлено личным побуждением Б. Г. Меньшагина [Новый путь. 12.08.1943. № 63 (185)].

В воспоминаниях Меньшагин сообщает также о дате открытия малого Богоявленского собора, расположенного рядом со Свято-Успенским собором. Это произошло в канун праздника Богоявления в 1942 г.: «так называемый „зимний“ Богоявленский собор был освящен 18 января 1942 года, и в нем соборный причт совершал зимой повседневные службы, так как в огромном Успенском соборе зимой было очень холодно и служили там до весны лишь в большие праздники, когда собиралось много народа» [Меньшагин, 2017, 68].

Отношение к Православной Церкви со стороны СД и военной администрации зачастую существенно отличалось. Уже в первые месяцы оккупации в политике СД наметилась яркая тенденция на жесткие ограничения начавшегося церковного возрождения. В частности, осенью 1941 г. СД требовало от руководства тыловых областей группы армий «Центр» провести переэкзаменовку духовенства и распустить действовавшие во многих местах церковные советы [Шкаровский, 2002, 407–408]. Б. Г. Меньшагин указывает, как в конце октября – начале ноября 1941 г. сотрудник СД Масков требовал от него прекращения работы церковного совета при Свято-Успенском кафедральном соборе: «В это же время или в начале ноября меня посетил новый работник SD Масков. Он упрекал меня в насаждении демократии, что противоречит немецкому принципу фюреризма. Конкретно, по его словам, это выражалось в том, что я провожу заседание совета городского управления вместо единоличного решения всех вопросов, что в Успенском соборе я организовал церковный совет, а должен быть единоличным старosta. Я возражал, указывая, что заседания совета городского управления носили консультативный характер, а создание церковных советов установлено решением Поместного собора Русской Православной церкви 1917–1918 гг., а не выдуманно мною. Но он стоял на своем и требовал, чтобы больше этого не было».

Представитель СД Масков настаивал также и на закрытии римско-католического костела, который был открыт в начале оккупации с разрешения Меньшагина, и передаче его под православный храм: «Затем он обвинил меня в незаконном открытии католического костела. Я ссылаясь на то, что костел в Смоленске существовал с очень давних времен и закрыт был лишь в 1936 или 1937 году, что верующие католики просили меня разрешать собираться для молитвы, хотя ксендза у них пока нет. Я не видел в этом ничего плохого и разрешил, учитывая, что к открытию православного собора комендатура отнеслась благожелательно. Он отвечал, что можно открывать только православные церкви, а католические нельзя, и что костел нужно использовать для православного богослужения. На это я не пошел, но собрания католиков в костеле были прекращены, а в соборе остался только старosta Лидов».

5. Взаимоотношения духовенства с немцами

Мемуары Б. Г. Меньшагина проливают свет на вопрос о взаимоотношениях смоленских священнослужителей с нацистами. На том же допросе следователь задал Меньшагину вопрос о том, имело ли духовенство Смоленска дело с немцами. Б. Г. Меньшагин сказал, что он не наблюдал связей священников с нацистами: «По-моему, нет. Я не замечал. Они (священники. — *en. C.*) имели дело со мной, а у меня было от комендатуры распоряжение, чтобы я имел надзор за ними с тем, чтобы там никакой антинемецкой деятельности не проводилось» [Лисовская].

Из воспоминаний Б. Г. Меньшагина узнаем также то, что именно по его распоряжению за богослужениями в оккупированном Смоленске поминалось имя патриаршего местоблюстителя митрополита Московского и Коломенского Сергия (Страгородского). На соответствующий вопрос следователя Меньшагин ответил: «...поминали Вселенских патриархов и местоблюстителя митрополита Сергия Московского и Коломенского. Это по моему распоряжению делалось» [Лисовская]. Впоследствии назначенный в Смоленск еп. Стефан (Севбо) добавил также поминание митрополита Минского и всея Беларуси Пантелеимона (Рожновского), поскольку воссозданная Смоленская епархия находилась в составе Белорусской Православной Церкви. 28 января 1943 г. еп. Стефан отменил возношение имени патриаршего местоблюстителя митр. Сергия по причине подписания им воззвания против германской армии [Новый путь. 31.01.1943. № 9 (131)]. Несомненно, что еп. Стефан вынужден был это сделать под давлением оккупационного режима.

6. Фреквенция церковных богослужений и церемоний

Б. Г. Меньшагин отмечает, что в годы оккупации на Смоленщине наблюдалась высокая частота церковных богослужений и поступательное открытие храмов. Свято-Успенский кафедральный собор был переполнен людьми, которые приходили для того, чтобы принять участие в службах, совершить необходимые таинства и требы, в первую очередь крещение детей. «До осени 1942 г., — говорит Меньшагин, — в Смоленске действовал лишь Успенский собор, а по будням служба происходила в зимнем Богоявленском соборе. По воскресеньям и праздникам в соборе бывало много народа, а соборный двор был заставлен деревенскими подводами, на которых жители деревень Смоленского района приезжали крестить детей. За лето было открыто несколько церквей в селах Смоленского района» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 5–6].

С особым воодушевлением Б. Г. Меньшагин рассказывает о празднике Пасхи 1942 г., когда Свято-Успенский кафедральный собор был целиком заполнен верующим народом: «Хорошо помню радостное чувство, испытанное мною в пасхальное утро 5 апреля 1942 г., когда придя с семьей в собор к 5 часам утра, мы еле смогли протиснуться внутрь собора: весь огромный двор и храм были наполнены людьми» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 7].

Информация Б. Г. Меньшагина о большой посещаемости храмов в годы оккупации, равно как и подобные данные, содержащиеся в иных источниках, является ярким свидетельством религиозной стойкости народа. При этом особенно важно указание Меньшагина на то, что набожность и стремление к Церкви наблюдалось одинаково как у сельских, так и у городских жителей [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 7]. Большевицкие репрессии и атеистическая пропаганда предвоенных лет не смогли искоренить религиозное сознание людей, продолжавших сохранять христианский потенциал на внутреннем уровне.

Из воспоминаний Б. Г. Меньшагина видно, что население Смоленска вообще очень активно посещало любые церковные богослужения и процессии, в том числе и те, что не имели общеобязательного предписания. В своем повествовании Меньшагин, например, указывает, что большое количество людей собралось на отпевание

участников группы артистов «Гарро», убитых партизанами в мае 1943 г. Б. Г. Меньшагин описывает эту траурную церемонию: «Их похороны 30 мая собрали как в Соборе, где их отпевали, так и на улицах, по которым везли, и на Братском кладбище, большое стечение народа» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 49].

7. Открытие церквей

В 1942 г. в Смоленске начала действовать Спасо-Окопная церковь. С ходатайством об этом к бургомистру обратились жители Рачевки, на территории которой расположен этот храм. Люди обещали самостоятельно осуществить ремонт церкви, а Б. Г. Меньшагина просили выделить необходимые материалы. Освящение Спасо-Окопного храма состоялось 4 октября. Меньшагин рассказывает об этом так: «13 июня у меня были несколько человек с Рачевки и дер. Шейновка с просьбой об открытии так называемой Окопной церкви. Название это произошло от того, что церковь эта была построена на месте окопов московского войска во главе с боярином М. Б. Шеиным, которое в 1634 г. вело осаду Смоленска, захваченного Польшей в 1611 г. Осада эта кончилась тогда неудачей. Церковь эта была закрыта в 1937 г., и там помещена аккумуляторная мастерская, почему здание церкви требовало значительного ремонта. Просители обещали произвести ремонт здания своими силами, а меня просили снабдить их необходимыми материалами. Просьба эта была удовлетворена. Открытие и освящение Окопной церкви состоялось 4 октября 1942 года» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 6]. Пример Спасо-Окопного храма подтверждает, что катализатором возрождения Церкви в оккупационный период являлся сам народ. Непосредственным образом люди демонстрировали свою ангажированность в религиозную жизнь и преданность духовным традициям.

Население открывало храмы на всей территории Смоленщины, приводило их в порядок и обустривало. Жители сёл приезжали к Б. Г. Меньшагину и просили предоставить необходимую церковную утварь. По возможности он старался удовлетворить просьбы верующих. Меньшагин вспоминает: «Летом 1942 г. происходило открытие церквей в ряде сел Смоленской области, для которых требовались иконы и другая утварь. Представители верующих приезжали в Смоленск, обращались ко мне за содействием в приобретении нужного имущества. Кое-что им давалось из запасного фонда соборной ризницы» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 7].

В 1943 г. в Смоленске продолжилось открытие храмов. Б. Г. Меньшагин сообщает об этом с указанием конкретных дат: «В 1943 г. в Смоленске были открыты три церкви: 28 февраля Всехсвятская, 4 апреля Гурьевская в Садках и 10 июня Тихвинская на кладбище по Витебскому шоссе» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 24–25]. Таким образом, общее количество храмов, действовавших в Смоленске во время немецкой оккупации, достигло пяти.

Интересны повествования Б. Г. Меньшагина об освящении храмов в сельской местности. В них рассказывается о том, как проходили эти торжества, кто принимал в них участие, что им сопутствовало. Например, были случаи, когда в деревнях, где отсутствовало храмовое здание, приходы открывались в молитвенных домах. Иногда вместе с освящением храма в селе происходило также открытие клуба. Вероятно, это делалось немцами в пропагандистских целях, для привлечения симпатий населения. Приведем оставленный Б. Г. Меньшагиным сюжет об освящении церкви в д. Скрилевка: «На 3 июня 1943 г. в день Вознесения начальник Пропанды майор Коста пригласил меня в дер. Скрилевку на освящение церкви и открытие клуба. Церковь была оборудована в приспособленном для этого доме. Чин освящения церкви и кладбища совершали настоятель Смоленского собора протоиерей П. Беляев и священник И. Зайцев. По завершении крестного хода на кладбище был обед в помещении нового клуба, а затем приглашенные, в числе которых кроме меня были начальник района В. М. Березов, заведующий типографией П[Я?]рирот, метранпаж Котов /?/, в сопровождении зондерфюрера д-ра Ремпе отправились в бывший совхоз Слобода, где нас

ждал начальник Пропаганды майор Коста... В эту поездку, помимо вышеупомянутых лиц, был приглашен писатель С. С. Широков /Пасхин-Максимов/. Он же пришел в здание Пропаганды в Смоленске и уже сидел в машине, когда кто-то спросил Ремпе, что будет в Скрилевке; тот ответил, что после освящения церкви будет награждение орденами нескольких лиц» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 28–29].

Материалы смоленских архивов позволяют вывести такую статистику открытия церквей по Смоленской области в годы оккупации: в 1941 г. — 14, в 1942 г. — 37, в 1943 г. — 13, всего — 64. Возможно, данная цифра не является окончательной, поскольку оккупационные власти не проводили системной фиксации действующих храмов. Указанное количество открытых приходов стало большим достижением, так как к концу 1930-х гг. на Смоленщине незакрытыми оставалось всего четыре церкви [Амельченков, 2006, 27, 89–93, 105–106].

Воспоминания Б. Г. Меньшагина подтверждают, что сведения смоленских архивов о храмах, возобновивших свое действие в оккупационный период, не являются полными. Например, Меньшагин сообщает о том, что в ноябре 1941 г. к нему приезжал иеромонах Иоанн, который служил во вновь открытом соборе г. Дорогобужа, и просил выделить ему некоторые предметы церковной утвари: «...побывал у меня иеромонах Иоанн, служивший во вновь открытом дорогобужском соборе, с просьбой о выдаче из запасов ризницы Успенского собора некоторых предметов культового имущества для дорогобужского собора. Просьбы... были удовлетворены» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 20]. Отметим, что в фондах архивов Смоленской области не удалось найти документов, сообщающих об открытии храма в Дорогобуже. Это еще раз подчеркивает значимость мемуаров Б. Г. Меньшагина как исторического источника.

8. Характеристика духовенства

Богослужения в Окопной церкви г. Смоленска совершали архимандрит Феодосий и протоиерей Николай Домуховский, ставший ее настоятелем. Б. Г. Меньшагин сообщает краткие сведения об о. Феодосии, а также представляет нелегкую судьбу о. Николая и высоко характеризует его как пастыря: «Для совершения богослужений в ней (Окопной церкви. — *en. C.*) были назначены архимандрит Феодосий, до 1937 г. служивший в г. Рославле Смоленской области, и священник Николай Домуховский. Последнего я знал еще мирянином, постоянно посещавшим собор. В 1922 г. его и брата его Бориса Домуховского судил Верховный суд РСФСР вместе с тогдашним смоленским епископом Филиппом (Ставицким) и рядом смоленских священников и мирян. Их обвиняли в противодействии изъятию церковных ценностей. По делу было вынесено, кажется, два смертных приговора — инженеру Залесскому и еще кому-то, не помню. Епископ Филипп был оправдан. Братья Домуховские осуждены к каким-то, не очень большим, срокам лишения свободы. Во второй половине 1920-х гг. Николай Домуховский стал священником Одигитриевской церкви, после ее закрытия — Вознесенского монастыря. В 1930 г. он был арестован и Коллегией ОГПУ осужден к десятилетнему заключению. Возвратившись из него, перед войной о. Н. Домуховский жил в Вязьме, откуда в 1942 г. приехал в Смоленск. Он был еще не стар, к своим священническим обязанностям относился как искренне религиозный человек, почему и пользовался популярностью среди верующих» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 6].

С приближением Красной армии прот. Николай Домуховский в числе прочего духовенства покинул Смоленск из-за опасения репрессий со стороны советской власти. Он оказался в Литве, затем в Чехословакии, где продолжил служение. В 1949 г. его арестовали и по статье 58-1а УК РСФСР приговорили к 25 годам лишения свободы. В 1956 г. о. Николай амнистировали, после чего он служил в Новгородской и Ставропольской епархиях [Амельченков, 2012, 143–144].

Повествование Б. Г. Меньшагина отличается объективным подходом и честностью. Он был нелицеприятным человеком и стремился к правдивому описанию событий и личностей, без ретуширования неудобных эпизодов. В этом смысле интересна

характеристика, данная Меньшагиным клирикам Свято-Успенского кафедрального собора. По сравнению с упомянутым прот. Н. Домуховским, некоторые представители соборного духовенства описаны с определенными недостатками в пастырской службе. Вот что вспоминает Б. Г. Меньшагин: «Иного рода отношение к своим обязанностям я заметил среди соборного причта, к которому с начала 1942 г. относились настоятель собора протоиерей Николай Шиловский, беженец из г. Ржева, протоиерей П. (Петр. — *еп. С.*) Беляев, священники Тимофей Глебов, Павел Смирягин, А. Колесников, тоже беженец из Ржева, и диакон, фамилии которого не помню. Двое последних из вышеназванных священников допускали излишнюю торопливость при совершении богослужений и треб, торговались о гонораре за требы, служили без должного благоговения» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 6].

При этом Б. Г. Меньшагин не просто наблюдал за данными отклонениями со стороны, но старался содействовать исправлению священнослужителей. По этому поводу он сообщает: «Как-то зимой 1942 г. я пригласил весь соборный причт к себе, высказал им свое мнение об их службе и предупредил, что если они не прекратят ссор между собой, иногда проявляющихся открыто перед богомольцами, то виновные будут удалены из собора» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 6].

Тем не менее кое-кто из соборных клириков не изменил своего поведения, в связи с чем был отстранен от служения в кафедральном соборе. Б. Г. Меньшагин передает такой инцидент: «В 20-х числах марта (1942 г. — *еп. С.*) мне стало известно о драке, происшедшей в алтаре собора во время богослужения: священник А. Колесников несколько раз ударил священника П. (Павла. — *еп. С.*) Смирягина за его медлительность с выходом. Я лично расследовал его дело и запретил Колесникову дальнейшую службу в соборе. Он просил меня подождать с увольнением, пока пройдет Пасха, но я отказал ему в отсрочке. Этот случай произвел должное впечатление на остальных. Отец А. Колесников вскоре уехал в г. Красный Смоленской области, где и стал служить в местной церкви» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 6–7].

Важно отметить, что Меньшагин с большим вниманием и ответственностью относился к назначению священников на приходы. На тот момент нехватка духовенства была одной из основных проблем. Значительная часть духовенства в 1930-е гг. была уничтожена большевиками или отправлена в ссылки. Во вновь открывавшихся храмах Смоленщины стали служить священники, которым удалось пережить репрессии либо избежать их, скрывая свой сан. Между тем во время оккупации к пастырской деятельности пытались вернуться и некоторые из тех духовных, которые скомпрометировали себя публичным отречением от священного сана и Церкви в 1930-х гг. Меньшагин не давал таким лицам разрешения на служение и строго следил за тем, чтобы они не проникли в церковную среду. Как правило, подобные люди вступали в сотрудничество с большевистскими органами.

По данному поводу Б. Г. Меньшагин в своих воспоминаниях приводит один красочный эпизод. После войны, в ходе допроса в 1945 г. следователь Б. А. Беляев сказал ему, что священник Галанский дал показание о том, что якобы он, Меньшагин, давал ему, Галанскому, задание выяснять на исповеди у людей их отношение к немцам и сообщать об этом. Б. Г. Меньшагин заявил, что не давал и не мог давать такого задания, поскольку Галанский во время оккупации не служил в качестве священника. Как бургомистр, Меньшагин не разрешил Галанскому служить в кафедральном соборе, поскольку тот еще до войны отрекся от сана. Меньшагин тогда сказал Галанскому: «Позвольте, Вы в [19] 37 году писали письмо в местную газету „Рабочий путь“ о том, что Вы отказываетесь от своего сана, так как убедились, что все это — ложь, что религия — опиум для народа, и призываете всех остальных последовать Вашему примеру» [Лисовская]. В ответ Галанский хотел оправдать себя тяжелыми условиями антирелигиозных преследований: «Но ведь Вы знаете, какое время было». Б. Г. Меньшагин категорически отказал Галанскому в разрешении на церковное служение и справедливо квалифицировал его апостасийный поступок как грех богохульства: «Знаю. Многие тогда оставили службу и пошли — кто в чернорабочие, кто дворником,

кто куда. Но писем не писали. Письмо, насколько я помню, было только одно Ваше. Я считаю, что Вы произвели хулу на Святого Духа. А в Евангелии сказано, что все прощается, но хула на Святого Духа не прощается. Поэтому я Вам службу не разрешаю» [Лисовская]. Позиция Меньшагина по кадрам духовенства показывает, что он стремился не допустить профанации возрождавшейся Церкви, а также старался решать церковно-административные вопросы в соответствии с канонами.

9. Прибытие епископа, организация епархиальной структуры

Как видно, воссоздание Церкви на Смоленщине началось с первых дней оккупации. Однако в Смоленске не было епископа, в связи с чем отсутствовало каноническое епархиальное устройство. Последний предвоенный архиерей Смоленской епархии — архиеп. Серафим (Остроумов), был расстрелян большевиками в 1937 г. в Катыни [АУФСБСО. Д. 15827-с. Л. 255–256]. К 1941 г. Смоленская епархия была практически полностью уничтожена. Возобновление церковной жизни в Смоленской области, открытие храмов, возобновление богослужений и мн. др. осуществлялось под руководством бургомистра Б. Г. Меньшагина. Между тем данный процесс требовал упорядочения и организации епархиального управления. Меньшагин понимал эту необходимость и осознал неправомерность участия гражданской власти в решении административных церковных вопросов. Поэтому он стал прилагать усилия для прибытия в Смоленск епископа. На этот счет Б. Г. Меньшагин говорил: «Учитывая большую тягу и горожан, и сельского населения к Богу, к Церкви, необходимость создания порядка в церковных делах и неканоничность административного вмешательства в эти дела гражданских властей, я начал выяснять возможности приезда в Смоленск епископа» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 7].

В 1942 г. Б. Г. Меньшагину было известно о двух основных православных церковных центрах на оккупированной немцами территории, наиболее близких к Смоленску: в Риге — во главе с митрополитом Виленским и Литовским Сергием (Воскресенским), патриаршим экзархом Латвии и Эстонии, и в Минске — во главе с митрополитом Минским и Белорусским Пантелеимоном (Рожновским). Симпатии Меньшагина устремлялись к первому из этих иерархов. Сам он так рассказывал об этом: «По доходившим до нас сведениям мы знали о двух крупных центрах Православной Церкви на оккупированной территории — в Риге, где пребывал патриарший экзарх в Прибалтике митрополит Литовский Сергий, и в Минске — митрополит Белорусский Пантелеимон. Мои желания тяготели к первому. Согласен со мной был и протоиерей Петр Беляев» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 7].

Проблему назначения в Смоленск епископа Б. Г. Меньшагин стал обсуждать с немецкой военной комендатурой города. Неосведомленность немецких офицеров в вопросах православной иерархии порой приводила к комичным случаям. Так, выслушав все обоснования Меньшагина, комендант Краац предложил назначить епископом женатого протоиерея Николая Шиловского. Б. Г. Меньшагин с юмором повествует об этом эпизоде: «Однажды я обратился по этому вопросу к начальнику 7-го отдела коменданту Краацу. Тот, выслушав мои доводы о необходимости иметь в Смоленске епископа, сказал: „Ну что же, и назначьте епископом Шиловского“. Мне стало смешно от такого прямолинейного решения Краацем вопроса о епископе; я стал разъяснять ему порядок назначения епископа по канонам Православной Церкви» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 7].

В результате Краац сказал Б. Г. Меньшагину в письменном виде представить свои соображения по данной теме. Обстоятельства сложились таким образом, что епископ прибыл в Смоленск из Белоруссии. Этому способствовало то, что Смоленщина была включена в военную область «Митте», куда также вошли Восточная Белоруссия, Брянская область и часть Орловской области [Амельченков, 2012, 70]. В качестве представителя в Минск для переговоров направили протоиерея Петра Беляева. «В конце концов, — говорит Меньшагин, — Краац предложил мне письменно изложить свои

доводы. Через некоторое время мы получили пропуск на поездку в Минск протоиерея П. Беляева, который по прежней службе в Витебске знал митрополита Пантелеимона, бывшего тогда викарием Витебской епархии» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 7].

По всей вероятности, в Смоленске еще не было известно о том, что в марте 1942 г. в Минске состоялся Собор Белорусской Православной Церкви, на котором среди прочего было принято решение об образовании Смоленской епархии и о назначении ее управляющим еп. Стефана (Севбо) с титулом «Смоленский и Брянский», в прошлом овдовевшего священника, служившего в Западной Белоруссии. Отношения предстоятеля Белорусской Церкви митр. Пантелеимона с немцами были сложными. Митрополит отказывался от немедленного провозглашения белорусской автокефалии от Москвы, ввиду чего генеральный комиссариат отстранил его от церковной власти. Управление Белорусской Православной Церковью было передано архиепископу Могилевскому и Мстиславльскому Филофею (Нарко) [Марто, 2000, 324–335].

Собственно, обо всем этом узнал в Минске прот. Петр Беляев и по возвращении в Смоленск сообщил Б. Г. Меньшагину. Мемуары Меньшагина передают это так: «По возвращении из этой поездки о. Петр рассказал, что митрополита Пантелеимона ему видеть не пришлось, т. к. он находился в монастыре на положении заключенного, т. к. чем-то прогневал немецкого генерального комиссара Белоруссии Кубе; всеми церковными делами заправляет архиепископ Могилевский Филофей; что еще весной 1942 г. митрополитом Пантелеимоном поставлен во епископы вдовый священник Стефан Севба, ранее служивший в Западной Белоруссии, а теперь назначенный епископом Смоленским и Брянским» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 7].

Одновременно о. Петр Беляев рассказал Б. Г. Меньшагину о том, что еп. Стефан не может прибыть в Смоленск, поскольку немцы не дают ему соответствующего пропуска. Владыка просил, чтобы смоленский бургомистр посодействовал ему в решении этой проблемы. Меньшагин написал необходимое ходатайство, которое было положительно рассмотрено только в декабре 1942 г. По приезде в Смоленскую епархию еп. Стефан разместился в апартаментах, подготовленных для него на Соборном дворе в здании архива, где ранее находилась духовная консистория. В воспоминаниях Б. Г. Меньшагина читаем: «Отец Петр видел его (епископа Стефана. — *ep. C.*), и тот жаловался на то, что немцы не дают ему пропуска для приезда в свою епархию — в Смоленск, почему он просит меня похлопотать у немцев о разрешении ему приехать в Смоленск. Я, конечно, сразу же возбудил соответствующее ходатайство, но удовлетворено оно было лишь в декабре 1942 г., и 21 декабря⁴ епископ Стефан приехал в Смоленск и поселился в подготовленной для него двухкомнатной квартире на Соборном дворе в здании архива» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 7–8].

В первые же дни Б. Г. Меньшагин нанес визит еп. Стефану и ввел его в курс церковных дел в Смоленске. Меньшагин положительно характеризует владыку, кратко рассказывает о его жизни до войны. Выяснилось, что еп. Стефан был хорошо знаком с управляющим Смоленским округом Р. К. Островским, который ранее являлся директором гимназии в Вильно. Б. Г. Меньшагин вспоминает об этом так: «23 декабря я посетил его и беседовал о церковных делах в Смоленске. Произвел он на меня хорошее впечатление. Он рассказал мне, что до 1939 г. служил в Новогрудском уезде. В 1939 г. был арестован польскими властями по обвинению в антипольской деятельности, освобожден из заключения занявшими Новогрудок советскими войсками. Оказалось, что епископ Стефан хорошо знает Островского как бывшего директора Виленской гимназии, в которой учились его дети; но знает его не как Романа Константиновича, как он рекомендовался нам, а как Ромуальда Казимировича. Сам Островский вернулся из отпуска за неделю до приезда епископа Стефана. По приезде он зашел ко мне и в присутствии находившегося в тот момент в моем кабинете городского архитектора И. П. Райского стал рассказывать о партизанском движении в Польше и Белоруссии;

⁴ В газете «Новый путь» № 2 (124) от 03.01.1943 сообщается, что еп. Стефан прибыл в Смоленск 27 декабря 1942 г.

о том, как немцев всюду бьют, и они боятся показывать свой нос за пределами своих казарм. Говорил он это со злорадством и руганью по адресу немцев. По его уходу Райский заметил мне: „Как он неосторожно говорит“» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 8].

10. Б. Г. Меньшагин и конфликты во внутрицерковной сфере

Б. Г. Меньшагин прямо указывает, что после прибытия еп. Стефана все внутренние вопросы епархиального управления перешли к нему: «Внутренние церковные дела после приезда в Смоленск епископа Стефана перешли к нему» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 24]. Передав внутрицерковные административные дела владыке, Меньшагин не дистанцировался от жизни Церкви и ее потребностей. Он продолжил активно участвовать в различных направлениях деятельности Смоленской епархии. В январе-феврале 1943 г. в ходе заседаний приходских собраний Свято-Успенского кафедрального собора и Спасо-Окопной церкви Б. Г. Меньшагин был избран почетным председателем приходских советов этих обоих храмов. Такое уважение морально поддерживало Меньшагина, столкнувшегося тогда с конфликтной ситуацией в оккупационной администрации. Хотя и в церковной среде ему приходилось встречаться с интригами. Так, против избрания Меньшагина в качестве почетного председателя двух приходских советов выступил председатель Смоленского окружного суда, церковный активист профессор А. Н. Колесников, который ссылаясь на то, что он уже не является начальником города. Вот рассказ об этом Б. Г. Меньшагина: «В соборе и в Окопной церкви 31 января — в первой и 7 февраля (1943 г. — *еп. С.*) — во второй происходили по распоряжению епископа Стефана выборы церковных советов, причем в обоих случаях я был избран почетным председателем указанных церковных советов, хотя и в соборе, и в Окопной церкви против этого выступал А. Н. Колесников, заявлявший о том, что я уже не являюсь начальником города. Не скрою, что меня очень утешали эти проявления симпатии и сочувствия мне и моей деятельности» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 11].

Дело в том, что в начале 1943 г. наблюдалось противостояние между гражданскими учреждениями оккупационной администрации [Щеров, 2005, 117–118]. Против Б. Г. Меньшагина стал действовать управляющий Смоленским округом Р. К. Островский. Все началось с того, что Меньшагин узнал о злоупотреблениях начальника отдела снабжения городского управления Н. П. Андреева, который был уличен в хищении соли. Р. К. Островский решил воспользоваться данным правонарушением и постарался возложить ответственность за произошедшее на Б. Г. Меньшагина, чтобы сместить его с должности начальника города и назначить на это место угодного себе человека. 23 января Островский инициировал приказ немецкой военной комендатуры о проведении ревизии городского управления, которую должна была осуществлять комиссия окружного управления во главе с вышеупомянутым председателем окружного суда А. Н. Колесниковым. Б. Г. Меньшагин написал протестное письмо в комендатуру, указав, что не имеет возражений относительно проверки, однако не может согласиться с тем, чтобы ее проводил Колесников. Меньшагин отметил, что знает А. Н. Колесникова «как лживого пристрастного человека, который в данное время находится со мной в неприязненных отношениях» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 10]. В заключение Б. Г. Меньшагин просил освободить его от занимаемой должности начальника города. Через несколько дней после передачи этого обращения в комендатуру к Меньшагину пришел зондерфюрер 7-го отдела М. Гессе и уговаривал его забрать заявление обратно и вместо увольнения попросить отпуск на время ревизии. Б. Г. Меньшагин согласился. Его просьба была удовлетворена: ему предоставили отпуск, а во главе ревизии вместо А. Н. Колесникова поставили заместителя Р. К. Островского — Н. Г. Никитина. Меньшагин пользовался доверием жителей Смоленска, многие из них готовы были выступить в его поддержку. Это показывает, в том числе, и избрание Б. Г. Меньшагина почетным председателем сразу двух приходских советов как раз в тот момент, когда он временно не исполнял должности

бургомистра. В результате проверки никаких нарушений найдено не было, за исключением ранее выявленных самим Меньшагиным злоупотреблений Н. П. Андреева. Афера, подстроенная Островским, не удалась. Б. Г. Меньшагина отозвали из отпуска, и он возвратился к своим обязанностям 8 февраля [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 8–12].

В своих воспоминаниях Б. Г. Меньшагин посчитал нужным остановиться на личности А. Н. Колесникова и объяснить причину его негативного поведения. В основе лежал конфликт Колесникова с прот. Николаем Шиловским, с которым он ранее находился в дружеских отношениях. Слова Меньшагина: «Здесь же остановлюсь немного на личности А. Н. Колесникова. По приезде в Смоленск из Тарусы зимой 1942 г. он поддерживал со мной хорошие отношения. Перелом произошел в ноябре 1942 г., когда он обратился ко мне с просьбой выгнать из собора протоиерея Николая Шиловского и запретить ему службу в Смоленске. Я был очень удивлен такой просьбе, тем более что знал об их дружбе, и спросил о причинах просьбы» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 13].

Выяснилось, что проблема заключалась в деньгах. А. Н. Колесников помог прот. Н. Шиловскому издать составленный им церковный календарь на 1943 г. Из полученного вознаграждения о. Николай выделил Колесникову сумму, которая его не удовлетворила. Так между ними возникла коллизия. Б. Г. Меньшагин не стал входить в этот раздор и занимать чью-либо сторону. Повествование Меньшагина: «Колесников объяснил, что он по просьбе Шиловского хлопотал в немецкой Пропаганде об издании составленным Шиловским православного календаря на 1943 г. Календарь этот был издан, Шиловский получил гонорар, из которого уделил ему очень малую на его взгляд сумму. Поэтому Колесников теперь считает Шиловского своим врагом и очень просит его изгнать из собора. Конечно, я отклонил его просьбу, и он зачислил меня в число своих врагов» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 13].

А. Н. Колесников не успокоился и продолжил подстрекать против прот. Н. Шиловского и, соответственно, против Б. Г. Меньшагина. К сожалению, Колесников даже стал подавать клеветы немцам. Меньшагин описывает такой случай: «Через несколько дней после разговора с Колесниковым Крац спросил меня, не считаю ли я нужным удаление Шиловского со службы в соборе, т. к. по имеющимся у него сведениям, он получил за освящение церкви в одной из деревень 3 пуда муки и присвоил их себе. Я разъяснил Крацу, что ничего предосудительного в этом поступке Шиловского нет, т. к. определенной зарплаты священники не получают, а живут за счет доходов, получаемых от верующих за выполнение церковных треб. Крац этим удовлетворился, а я подумал, что Колесников действует против Шиловского по поговорке „не мытьем, так катаньем“, всеми средствами стремясь причинить вред Шиловскому. Таким же путем он действовал против меня. Я уже упоминал о его выступлениях против избрания меня почетным председателем церковных советов собора и Окопной церкви» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 13].

11. Участие Б. Г. Меньшагина в Епархиальном совещании 12 мая 1943 г. и преподавание на пастырских курсах

Епископ Стефан стремился стимулировать церковную жизнедеятельность в Смоленской епархии. С этой целью им был предпринят ряд важных мероприятий, среди которых большое значение имело Епархиальное совещание духовенства, состоявшееся 12 мая 1943 г. Помимо смоленских священнослужителей, в нем также участвовали клирики Брянской области. В совещании принял участие Б. Г. Меньшагин. Соблюдая канонические принципы, он присутствовал только на вступительной части. Обращает внимание то, что свое выступление Меньшагин посвятил чисто пастырскому аспекту. Он призвал священнослужителей должным образом совершать свою духовную миссию и избегать пороков, которые не соответствуют пастырскому призванию. Цитата из воспоминаний Б. Г. Меньшагина: «12 мая в Смоленске в епархиальном

управлении было проведено Епархиальное Собрание духовенства Смоленска, Брянска, Рославля и других мест. На открытии его я выступил с приветствием и призывом к духовенству быть проводниками Христова учения о любви и милосердии к ближнему, изжив встречающееся еще в их среде корыстолюбие, взаимную вражду, интриги и т. п. поступки, несовместимые с учением Христа, и явившиеся в значительной степени причиной упадка Церкви в послереволюционное время. При дальнейшей работе Собрания я не присутствовал» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 25].

Приведенные слова свидетельствуют о глубинной религиозности и христианском благочестии Б. Г. Меньшагина. Не будучи священником, он рефлексировал на тему пастырства. Его очень волновали проблемы пастырской этики, он давал священнослужителям правильные советы, актуальность которых еще более сильна в наши дни. Открыто говоря об отклонениях, встречающихся в кликальной среде, Б. Г. Меньшагин призывал духовенство концентрироваться исключительно на евангельских принципах. Сказанное им, очевидно, должно было оказать существенное воздействие на пастырей, которым было суждено заниматься церковным возрождением.

На Епархиальном собрании обсуждались организационные моменты, касающиеся административно-хозяйственной деятельности Смоленской епархии, а также вопросы подготовки кадров священнослужителей, программа пастырских курсов, преподавание Закона Божия в школах, молодежная работа ([ГАВО. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 25. Л. 66 об. (Новый путь. 30.05.1943. № 40 (184)); см. также: [Амельченков, 2008]).

Для составления целостной картины участия Б. Г. Меньшагина в развитии церковной жизни следует вспомнить и о том, что он преподавал на пастырских курсах. Об этом нами уже писалось в других научных публикациях [Амельченков, 2006, 112–113; Амельченков, 2012, 124]. Пастырские курсы в Смоленске начали свою работу 7 июня 1943 г. и были рассчитаны на три месяца (июнь, июль, август). Их цель состояла в подготовке кадров духовенства, а также в повышении квалификации священнослужителей, возобновивших пастырскую деятельность после перерыва в предвоенный период. Б. Г. Меньшагин преподавал на этих курсах историю Церкви. Количество слушателей пастырских курсов составило 40 человек, среди них были также учителя и учащиеся старших классов средних школ [Новый путь. 13.06.1943. № 46 (168)].

12. Б. Г. Меньшагин и Катинский вопрос

В апреле 1943 г. Б. Г. Меньшагин стал свидетелем проведенной немцами экспедиции останков польских офицеров, расстрелянных НКВД в Катинском лесу весной 1940 г. 18 апреля 1943 г. Меньшагин имел возможность осмотреть вскрытые могилы. Тела польских военнопленных он описал так: «Все трупы были одеты в серую форму польских военнослужащих; на головах были специфические головные уборы – шапочки с кокардами; у некоторых вместо кокард были красные кресты; лица у всех были черные, руки завязаны веревкой сзади спины. На затылке у каждого была дыра от пушечного или ружейного выстрела» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 25–26]. Отдельно лежали тела генералов Сморовинского из Люблина и Богатеревича из Модлина, возле которых находились их документы. Визуальный осмотр не вызвал у Б. Г. Меньшагина сомнений в том, что данные расстрелы были произведены советскими спецслужбами: «По признакам убийства и смерти их не похоже было, что их убили немцы, потому что те стреляли обычно так, без разбора. А здесь методически, точно в затылок, и связанные руки. А немцы так расстреливали, не связывали, а просто поводили автоматами» [Меньшагин, 1988, 130]. Информацией о совершении этого преступления Меньшагин не обладал, в воспоминаниях он отметил: «Самому мне слышать какие-либо сведения об этом убийстве не приходилось» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 26].

Вместе с захоронениями поляков немцы частично вскрыли захоронения россиян, расстрелянных большевиками в Катини в 1930-х гг. Б. Г. Меньшагин оставил такое описание: «В некотором отдалении от этого кошмарного зрелища находилась еще

одна небольшая тоже разрытая могила, на краю которой находилось два трупа, бывших в состоянии значительного разложения. Судя по материалу брюк из домотканной материи, которую мне раньше часто приходилось видеть на крестьянах, эти мертвецы были когда-то русскими крестьянами» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 26].

Впоследствии, для того чтобы скрыть свою вину, советское руководство разработало фальшивую версию об убийстве польских военнослужащих немцами. Б. Г. Меньшагину отвели в этом ключевую роль. На Нюрнбергском процессе 1–2 июля 1946 г. в качестве свидетеля выступил бывший заместитель Меньшагина — Б. В. Базилевский, который лживо заявил, что будто бы узнал от бургомистра Меньшагина о расстреле немцами польских военнопленных [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 27]. В качестве доказательства советская сторона предоставила некий блокнот, якобы принадлежавший Б. Г. Меньшагину, с довольно непонятной записью: «Говорят ли в Смоленске о расстреле поляков?» (см.: [Абаринow, 2007]). Экспертизу с целью установления подлинности этого блокнота советские спецслужбы, конечно же, не проводили. Сам Меньшагин на Нюрнбергском процессе не присутствовал, факт его содержания в тюрьме в Москве скрывали. В итоге трибунал не поддержал советскую инсинуацию, и в приговоре по катынскому делу не было ничего сказано. В воспоминаниях Б. Г. Меньшагин назвал все это ложью и так высказался о поступке Базилевского: «Мне от души жаль этого несчастного лжесвидетеля, бывшего до этого порядочным человеком и купившего себе относительную свободу ценой клятвопреступления» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 27]. Во многом именно советская фальсификация катынского преступления определила дальнейшую тюремную судьбу Б. Г. Меньшагина: он полностью отсидел назначенный ему двадцатипятилетний срок, причем практически в полном одиночестве.

13. Вторая годовщина взятия Смоленска немцами

Установленный немцами на Смоленщине оккупационный строй подразумевал введение новых гражданских праздников. Среди них наиболее отмечаемым стал день взятия Смоленска. Б. Г. Меньшагин довольно подробно рассказывает, как проходило такое празднование в 1943 г. Это была вторая годовщина немецкой власти в городе. Торжества назначили на 16 июля. В программе праздника, рассчитанной на привлечение симпатий населения, среди прочего был благодарственный молебен в Свято-Успенском кафедральном соборе, с которого, собственно, все и начиналось. В этом видится реставрация немцами определенных дореволюционных порядков с целью антибольшевистской пропаганды. Вопрос о добровольности совершения священниками таких молебнов, на наш взгляд, скорее будет риторическим. Программа согласовывалась 7-м отделом немецкой военной комендатуры. Далее по сценарию было вручение наград, концерт в городском парке, показ кинофильма. Б. Г. Меньшагин передает церемонию празднования: «утром — молебен в Успенском соборе, затем сбор всех сотрудников перед зданием Городского Управления, куда прибывает комендант генерал-майор Поль и производит награждение орденами; после этого торжественный обед в большом зале Городского Управления; затем народное гулянье, в т. ч. концерт в саду Блонье и киносеанс в здании недостроенного кинотеатра возле Молоховской площади. Вход бесплатный» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 36–37].

Еп. Стефан в этот день в Смоленске отсутствовал, поэтому молебен служили городские священники. Возможно, что отъезд владыки из города не был случайным. Проповедь, которую произнес один из клириков, по всей вероятности, заранее не утверждалась, т. к. Б. Г. Меньшагин вынужден был ее прервать по причине низкого качества. Меньшагин так описал данный молебен: «Епископ Стефан в то время был в отъезде на родине в Новоградском районе Западной Белоруссии. Молебен служило соборно все городское духовенство во главе с настоятелем собора протоиереем П. Беляевым. Проповедь говорил священник Всехсвятской церкви Тесельский; говорил он нудно, повторялся, и я вынужден был передать ему через иподиакона, чтобы он заканчивал» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 37].

Бронзовыми орденами «За заслуги» было награждено 12 человек: бургомистр Б. Г. Меньшагин, его заместитель Г. Я Гандзюк, городской архитектор И. П. Райский, начальник отдела просвещения И. И. Соловьев, начальник финансового отдела А. А. Василевский, начальник пожарной охраны С. Н. Кудрявцев, главный врач 1-й городской больницы Е. И. Неверович, переводчица М. Я. Гринцевич, заместитель начальника Смоленского окружного управления Н. Г. Никитин, начальник окружного финансового отдела Гурьев, председатель окружного суда А. Н. Колесников и начальник Смоленского района В. М. Бибииков [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 37].

14. Эвакуация духовенства и горожан

Священники, служившие на оккупированной Смоленщине, понимали, что после отступления немецких войск их ожидают репрессии со стороны советской власти. И такое мнение было небезосновательным. Выше уже упоминалось о судьбе прот. Николая Домуховского, который был арестован советскими властями и приговорен к 25 годам заключения. Кроме того, трактовка священников, совершавших служение в оккупационных условиях, как коллаборантов была ярко продемонстрирована советской властью в ходе освобождения некоторых захваченных немцами территорий. В своих воспоминаниях Б. Г. Меньшагин сообщает, что зимой 1942 г. в момент временного занятия г. Дорогобужа советскими войсками, прорвавшимися в немецкие тылы, были расстреляны не только сотрудники Дорогобужского районного управления, но и иеромонах Иоанн, который служил в местном соборе [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 20].

Ввиду опасений террора со стороны советской власти практически всё духовенство Смоленска вместе с еп. Стефаном в сентябре 1943 г. покинуло город перед входом Красной армии. Эвакуация священнослужителей, равно как и жителей Смоленска, посчитавших необходимым уехать, была организована Б. Г. Меньшагиным. Он описывает, что 18 сентября его вызвал начальник 7-го отдела комендатуры оберрат Рейшбек, который сообщил о предстоящем оставлении Смоленска немецкой армией и попросил объявить об этом населению города с предписанием идти пешком на запад. Меньшагин резко выступил против такого способа эвакуации людей, которые, по сути, обрекались на гибель, и заявил, что сам не уедет из Смоленска и что его смерть будет на совести немцев. Рейшбек выразил сочувствие и сказал, что это распоряжение поступило из штаба 4-й армии, располагавшегося в Красном Бору. Б. Г. Меньшагин направился в данный штаб, где повторил свое заявление о том, что не уедет из Смоленска, если не будут предоставлены транспортные средства для всех желающих покинуть город. Он отметил, что население Смоленска «корректно относилось к германской армии», за время оккупации в городе не наблюдалось никаких эксцессов, а потому «оставить смоленских жителей на произвол судьбы будет недостойным поступком». В результате начальник штаба пообещал предоставить для эвакуации населения железнодорожный эшелон 19 сентября и колонну автобусов 20 сентября [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 42].

В эти дни Б. Г. Меньшагин пребывал в подавленном психологическом состоянии, переживал сильную фрустрацию. Весь день 19 сентября к нему потоком шли люди и спрашивали, что делать, куда и как уехать или каким образом безопаснее остаться в Смоленске... Меньшагин говорил то, что знал, а знал он очень мало... «Что я мог сказать на вопрос, что делать, если сам не знал, что мне делать. Было большое желание умереть, мелькала мысль о самоубийстве...» — вспоминал он о том моменте. Однако Б. Г. Меньшагина успокаивала и утешала народная поддержка. Из всего множества приходивших к нему тогда людей, большинство из которых он вовсе не знал, никто не сказал в его адрес ни одного упрека и неприятного слова. Меньшагину было очень приятно слышать совет нескольких рабочих с электростанции не уезжать из Смоленска, что их коллектив отстоит его от наказания, засвидетельствует его полезную для жителей работу. «Конечно, было бы верхом наивности последовать

этому совету, — говорил Б. Г. Меньшагин, — но сам по себе он доставил мне радость и придал бодрость» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 43].

Благодарство Меньшагина подчеркивает также и то, что сам он покинул Смоленск только после того, как выехало духовенство и большая часть сотрудников городского управления. В воспоминаниях он сказал об этом так: «Мой отъезд из Смоленска был намечен, по настоянию Г. Я. Гандзюка, на 20 сентября (1943 г. — *en. C.*). Я дождался прибытия к зданию Городского Управления колонны автобусов, наблюдал погрузку в них большей части сотрудников Городского Управления и духовенства, после чего поехал впереди этой колонны на городской трехтонной машине...» [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 43]. Такая забота о людях свидетельствует о глубоких религиозных морально-этических принципах Б. Г. Меньшагина.

К характеристике Меньшагина уместно привести еще и такой эпизод. Во время работы бургомистром Смоленска он выдал Александру Владимировичу Шлямовичу, еврею по национальности, документ, в котором указал, что тот является русским. Это, естественно, было большим риском для Меньшагина. Впоследствии в ходе допросов следователь Б. А. Беляев спрашивал Б. Г. Меньшагина, для чего он это делал. Меньшагин ответил: «Разве спасти жизнь человеку — это не хорошее дело, не доставляет удовольствия человеку?» [Лисовская]. Точно так же Б. Г. Меньшагин не помечал в документах принадлежность к коммунистической партии никому из тех, кто в ней состоял до войны [Лисовская]. Существенным является и то, что в период оккупации Меньшагин освободил под личное поручительство от 3 до 4 тысяч военнопленных. Но советские органы девальвировали данные поступки. На просьбу Б. Г. Меньшагина внести все это в протокол допроса следователь заявил: «Это Вам никакой пользы не принесет. Вы освобождали врагов народа, Вы изменников Родины освобождали...» [Лисовская].

15. Заключение

Исследование неопубликованных воспоминаний бургомистра Смоленска Б. Г. Меньшагина позволяет сделать вывод о его значительном вкладе в возрождение Православной Церкви на Смоленщине в период немецкой оккупации 1941–1943 гг. Собственно, благодаря инициативе Меньшагина, воплощенной в конкретных делах, в данном регионе начался процесс восстановления церковной жизни, уничтожавшейся большевиками в 1930-х гг. При этом оккупационный режим отнюдь не возбуждал у Б. Г. Меньшагина симпатий. Его работа в качестве начальника города Смоленска была вынужденной и, одновременно, необходимой для гражданского населения.

Используя предоставленную немцами возможность относительной религиозной свободы, Меньшагин с большим энтузиазмом стал активно содействовать воссозданию Православной Церкви на оккупированной территории. Содержание его воспоминаний подтверждает тезис о том, что церковное возрождение осуществлялось самим народом, который и был организатором данного процесса. Люди самостоятельно восстанавливали храмы и в большом количестве посещали церковные богослужения и церемонии. Это показывает, что предвоенная советская атеистическая пропаганда не смогла искоренить народное религиозное чувство. В равной степени это свидетельствует и о том, что российский народ в своем большинстве не разделял большевистской идеологии.

Воспоминания Б. Г. Меньшагина о военном периоде являются важным и во многом уникальным источником по истории Смоленщины в период Второй мировой войны. Достоинство этих материалов заключается не только в их богатой фактологии, но и в том, что они позволяют увидеть процессы и тенденции, имевшие место в жизни российского общества и Православной Церкви под немецкой оккупацией. Воспоминания Меньшагина существенно дополняют иные известные источники по истории Церкви в Смоленской области в военное время.

Возрождение Православной Церкви на Смоленщине в годы немецкой оккупации имело огромное значение. Произошло восстановление Смоленской епархии, которая

к началу войны была практически полностью уничтожена коммунистическим режимом. На территории Смоленской области было открыто около 70 приходов, что позволило Церкви функционировать здесь в последующее время.

Участие Б. Г. Меньшагина в церковном ренессансе военной поры было весомым и выразилось в следующих реальных действиях:

- 1) открытие Смоленского Свято-Успенского кафедрального собора;
- 2) руководство церковной жизнедеятельностью на Смоленщине до прибытия епископа;
- 3) содействие открытию храмов, помощь в их ремонте и оснащении церковной утварью;
- 4) управление кадрами священнослужителей, надзор за их моральным состоянием и дисциплиной;
- 5) организация приезда в Смоленск епископа, создание епархиального управления;
- 6) участие в деятельности приходских Советов Свято-Успенского кафедрального собора и Спасо-Окопной церкви;
- 7) участие в проведении Епархиального совещания 12 мая 1943 г.;
- 8) преподавательская деятельность на пастырских курсах;
- 9) организация эвакуации духовенства и жителей Смоленска перед входом советских войск.

Важным является и сам тот факт, что Б. Г. Меньшагин оставил комплексное описание церковных событий, личностей духовенства, набожности населения и т. д., что вместе с другими источниками дает возможность всестороннего изучения истории Церкви в период немецкой оккупации. Конечно, для мемуаров как таковых свойственна определенная доля субъективности. Между тем сопоставление с иными архивными материалами показывает, что воспоминания Меньшагина отображают действительную картину церковной жизни на Смоленщине в оккупационное время.

Жизнь Б. Г. Меньшагина представляет пример сложной судьбы русского человека в тяжелых и противоречивых условиях XX в. Ему пришлось жить и действовать в обстоятельствах, которые полностью противоречили его мировоззрению, религиозным и человеческим убеждениям. Этот путь Меньшагин прошел несломленным.

В нынешних реалиях актуальны рефлексии Б. Г. Меньшагина на тему личности пастыря. Его позиция относительно того, что священник должен твердо хранить веру, осуществлять свое служение исключительно на евангельских основах и не допускать поступков, несовместимых с христианским учением, вне всякого сомнения, остро звучит и сегодня. Духовно-религиозные взгляды Меньшагина и его церковная деятельность представляются востребованными и полезными в процессе формирования современных пастырей.

Р. S. После эвакуации из Смоленска Б. Г. Меньшагин до 9 октября 1943 г. находился в Борисове (Белоруссия). Здесь он организовал оказание помощи выехавшим смолянам. С 21 октября 1943 г. по 26 июня 1944 г. Меньшагин являлся начальником г. Бобруйска (Белоруссия), до входа сюда советских войск. Затем Б. Г. Меньшагин вошел в контакт с Комитетом Освобождения народов России (КОНР) — политической организацией, созданной в 1944–1945 гг. при поддержке Германии для свержения большевистского строя в СССР. С 11 ноября 1944 г. по 15 апреля 1945 г. Меньшагин работал в этом Комитете в качестве инспектора по работе с восточными военнопленными. С февраля 1945 г. он вместе с семьей (супругой, дочерью и сестрой супруги) находился в Карлсбаде (Карловы Вары, Чехия). 11 мая состоялась неудачная попытка ареста Б. Г. Меньшагина вошедшими в Карлсбад советскими войсками, тогда он был спасен американскими военными. Проведя несколько дней в лагере, Б. Г. Меньшагин вернулся в Карлсбад. Не найдя там своих родных, он ошибочно посчитал, что они находятся в руках советских органов, в связи с чем 28 мая добровольно сдался советским войскам. С конца мая 1945 г. находился в заключении. Его привозили в Смоленск для допросов.

В 1945–1951 гг. сидел в тюрьме на Лубянке в Москве. Без суда Б. Г. Меньшагин Особым совещанием при министре Государственной безопасности СССР от 12 сентября 1951 г. был приговорен к 25 годам лишения свободы. Срок отсчитывался с 7 июня 1945 г. С 1951 г. отбывал наказание в тюрьме №2 в г. Владими́ре. Первые три года был лишен фамилии, проходил под номером 29. Практически весь срок Меньшагин провел в одиночном заключении. Лишь в течение двух с половиной лет, с 1963 г., с ним сидели сначала бывший заместитель Л. Берии — С. Мамулов, затем бывший сотрудник разведывательного управления М. Штейнберг. Также Меньшагина выводили на прогулку вместе с другими осужденными сотрудниками советских спецслужб — П. А. Судоплатовым и Б. А. Людвиговым. Заключение закончилось 28 мая 1970 г. Б. Г. Меньшагин обратился к коммунистическим властям Смоленской области с просьбой разрешить ему вернуться на родину и поселиться в одном из домов инвалидов. Но Смоленский областной исполнительный комитет коммунистической партии отказал ему в прописке на территории Смоленщины. Меньшагина отправили в инвалидный дом в селе Княжья Губа в Мурманской области. Последние несколько лет жил в подобном учреждении в г. Кировске в том же регионе. После освобождения Б. Г. Меньшагину удалось найти родных своего шурина, рассказавших ему о судьбе его семьи, которой, как оказалось, удалось выехать в США. Его супруга умерла 31 мая 1961 г., сестра супруги — 31 мая 1965 г. Дочь вышла замуж, имела троих детей, жила в США. Меньшагин умер 24 мая 1984 г. в возрасте 81 года, похоронен в Кировске на лесном кладбище. На могиле его московскими друзьями был поставлен православный крест (см.: [Меньшагин: *Воспоминания*, л. 43–51; Лисовская; Меньшагин, 1988]).

Б. Г. Меньшагин прожил трудную жизнь, на протяжении которой ему выпала нелегкая судьба быть «чужим среди своих и своим среди чужих». Так было и в период 1920–30-х гг., и в годы Второй мировой войны, и в послевоенное время. Однако, несмотря на тяжелые испытания, связанные с потерей семьи, тюремным заключением в четверть века, всеобщим порицанием как коллаборациониста и др., Меньшагин сохранил веру и человеческое достоинство. Христианское мировоззрение и подлинная религиозность помогали ему преодолевать нелегкие обстоятельства жизни и объективно оценивать все, что с ним происходило. В одном письме, написанном за несколько лет до смерти, Б. Г. Меньшагин подвел итог своей жизни. Эти слова представляют глубинную суть его личности:

«4 января 1980 г.

[Княжья Губа]

...Одиноким себя не чувствую и вообще считаю, что жаловаться на проведенную мною жизнь было бы грешно. Я обладал хорошей памятью, получил довольно много знаний в различных областях гуманитарной науки, все члены семьи меня любили, и в армии в 1919–1927 годах и потом на судебной работе я чувствовал себя на своем месте и успешно выполнял свою работу. Не всякий сможет поставить себе в актив спасение от смерти 11 человек с риском для себя, не считая случаев замены смертной казни без такого риска; да и возвращение нескольким тысячам людей свободы, в том числе в годы войны более 3 тысячам, — всегда приносило мне радость. Что же касается несчастий, то редкий человек может избежать их. Да и теперь, когда у меня не осталось родных по рождению и по браку, я встретил столько хороших, отзывчивых людей, столько заботы о себе. Нет, я был бы неблагодарным, бессовестным, если бы жаловался на жизнь» [Меньшагин, 1988, 163].

Источники и литература

1. Амелъченков (2006) — *Амелъченков В. Л.* Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны. Смоленск, 2006. С. 60–133.
2. Амелъченков (2008) — *Амелъченков В. Л.* Епархиальный Съезд духовенства и мирян Смоленской епархии 12–13 мая 1943 года (в дополнение к вопросу о церковной жизни на Смоленщине в годы Великой Отечественной войны) // Смоленские епархиальные ведомости. 2008. № 1 (56).
3. Амелъченков (2011) — *Серафим (Амелъченков), иером.* Служение милосердия в социальной деятельности Православной Церкви в Смоленской области в период нацистской оккупации 1941–1943 годов // Смоленские епархиальные ведомости. 2011. № 4 (71).
4. Амелъченков (2012) — *Серафим (Амелъченков), иером.* Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (на материалах Смоленской области). Смоленск: Свиток, 2012.
5. Амелъченков (2014) — *Серафим (Амелъченков), иером. Е. В.* Домбровская: церковный человек в условиях нацистской оккупации // Смоленские епархиальные ведомости. 2014. № 2 (81).
6. АУФСБО — Архив Управления ФСБ по Смоленской области. Д. 15827–с. Л. 255–256.
7. ГАВО — Государственный архив Витебской области. Ф. 2290. Оп. 1. Д. 25. Л. 66 об.
8. Гудериан (2003) — *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 2003.
9. К 60-летию освобождения Смоленщины (2003) — ...Все судьбы в единую слиты... По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков / Ред. Н. Г. Емельянова, А. М. Дедкова, О. В. Виноградова, Г. В. Гаврилова, В. А. Кононов. Смоленск, 2003.
10. Лисовская — *Лисовская Н. П.* Воспоминания Б. Г. Меньшагина, записанные на магнитофонную пленку 10 июня 1978 года. Машинопись // Архив Международного правозащитного общества «Мемориал», Москва. Ф. 147. Оп. 1. Ед. хр. 19.
11. Макаров: *Заметки — Макаров А. А.* Заметки о Б. Г. Меньшагине (по материалам архива Общества «Мемориал») // Ruthenia.ru. URL: <http://www.ruthenia.ru/archiv.html?topic=all&fromday=01&frommonth=01&fromyear=1999&tillday=01&tillmonth=11&tillyear=2011&start=601> (дата обращения: 28.09.2019).
12. Мартос (2000) — *Афанасий (Мартос), архиеп.* Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. Минск, 2000.
13. Меньшагин: *Воспоминания — Меньшагин Б. Г.* Воспоминания о пережитом. 1941–1943, написано вначале 1970-х в Москве и на подмосковной даче. Машинопись // Архив Международного правозащитного общества «Мемориал», Москва. Ф. 104.
14. Меньшагин (1988) — *Меньшагин Б. Г.* Воспоминания. Смоленск... Катень... Владимирская тюрьма... / Ред. А. Грибанов, Н. Горбаневская, Г. Суперфин. Paris: YMCA-Press, 1988.
15. Меньшагин (2017) — *Меньшагин Б.* Воспоминания о пережитом. 1941–1944. Публ. и вст. ст. Павла Поляна // Новый мир. 2017. № 12 (1112).
16. Новый путь — Новый путь. 03.01.1943. № 2 (124); 31.01.1943. № 9 (131); 30.05.1943. № 40 (184); 13.06.1943. № 46 (168); 12.08.1943. № 63 (185).
17. Памятная книжка (1912) — Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1912 год. Издание Калужского Губернского Статистического Комитета Ф. Ф. Кадобнова. XXIII-й год издания. Калуга: Типо-литография Губернского Правления, 1912. С. 64.
18. Памятная книжка (1913) — Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1913 год. Издание Калужского Губернского Статистического Комитета под редакцией Секретаря Комитета Ф. Ф. Кадобнова. XXIV-й год издания. Калуга: Типо-литография Губернского Правления, 1913. С. 70.
19. Симбирцев (2008) — *Симбирцев И.* Спецслужбы первых лет СССР. 1923–1939: На пути к большому террору. Москва, 2008.
20. Суперфин (1988) — *Суперфин Г.* Борис Георгиевич Меньшагин // *Меньшагин Б. Г.* Воспоминания. Смоленск... Катень... Владимирская тюрьма... / Ред. А. Грибанов, Н. Горбаневская, Г. Суперфин. Paris: YMCA-Press, 1988.

21. Трагедия советской деревни (2004) — Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. / Ред. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола. Т. 5: 1937–1939. Кн. 1: 1937. М.: РОССПЭН, 2004. С. 56–57.
22. Шкаровский (2002) — Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь. Москва, 2002.
23. Щеров (2005) — Щеров И. П. Коллаборационизм в Советском Союзе 1941–1944: типы и проявления в период оккупации. Смоленск, 2005. С. 117–118.
24. Abarinow, 2007 — Abarinow W. Oprawcy z Katynia. Rosyjski dziennikarz na tropie zbrodniarzy / Tłumaczenie: Walentyna Dworak, Klaudia Rumińska. Kraków, 2007.

Bishop Seraphim (Amelchenkov). The Burgomaster B. G. Menshagin and Revival of Orthodox Church in Smolensk Region during the German Occupation in 1941–1943.

Abstract: Article is devoted to research of features of revival of Orthodox Church in the occupied Russian territories in the years of World War II. On the basis of unique historical sources is studied the essential role of the burgomaster of Smolensk B. G. Menshagin in renewal of church activity in Smolensk region during the German occupation. The reasons and actors of this process are reflexed. Analyzed is B. G. Menshagin's contribution to a reconstruction of Church and its structure in the Smolensk region which in the 1930s was actually completely destroyed by bolsheviks. Emphasized is the objective approach of Menshagin in the description of Church reality, the characteristic of clergy and the intra church relations. B. G. Menshagin's religious intensions are actual for forming of a modern adequate paradigm of relationship of the pastor with believers, and also interaction of Church and society. Also within an event context is narrated about Menshagin's value in investigation of the Katyn massacre.

Keywords: Orthodox Church, Menshagin, war, German occupation, church revival, opening of churches, Smolensk diocese, intra church relations, Katyn massacre.

Bishop Seraphim (Amelchenkov Vladimir Leonidovich) — Doctor of Theology, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theology, Faculty of Humanities, Russian State Social University; Bishop of Istra, Vicar of the Patriarch of Moscow and All Russia, Chairman of the Synodal Department for Youth Affairs of the Russian Orthodox Church (seraphim@list.ru).

Sources and References

1. Abarinow, 2007 — Abarinow W. *Oprawcy z Katynia. Rosyjski dziennikarz na tropie zbrodniarzy*. Tłumaczenie: Walentyna Dworak, Klaudia Rumińska. Kraków, 2007. (In Polish).
2. Amel'chenkov (2006) — Amel'chenkov V. L. *Smolenskaya eparkhiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Diocese of Smolensk during the Great Patriotic War]*. Smolensk, 2006. (In Russian).
3. Amel'chenkov (2008) — Amel'chenkov V. L. *Eparkhial'nyy S"yezd dukhovenstva i miryan Smolenskoy eparkhii 12–13 maya 1943 goda (v dopolneniye k voprosu o tserkovnoy zhizni na Smolenshchine v gody Velikoy Otechestvennoy voyny) [Diocesan Congress of the clergy and laity of the Smolensk diocese May 12–13, 1943 (in addition to the question of church life in Smolensk during the years of World War II)]*. *Smolenskiye eparkhial'nyye vedomosti*, 2008, no. 1 (56). (In Russian).
4. Amel'chenkov (2011) — Serafim (Amel'chenkov), hieromonk. *Sluzheniye miloserdiya v sotsial'noy deyatelnosti Pravoslavnoy Tserkvi v Smolenskoy oblasti v period natsistskoy okkupatsii 1941–1943 godov [Charity ministry in the social activities of the Orthodox Church*

in the Smolensk region during the Nazi occupation of 1941–1943]. *Smolenskiye eparkhial'nyye vedomosti*, 2011, no. 4 (71). (In Russian).

5. Amel'chenkov (2012) — Serafim (Amel'chenkov), hieromonk. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i obshchestvo v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 godov (na materialakh Smolenskoj oblasti)* [*The Russian Orthodox Church and society during the Great Patriotic War in 1941–1945 (based on materials from the Smolensk region)*]. Smolensk: Svitok, 2012. (In Russian).

6. Amel'chenkov (2014) — Serafim (Amel'chenkov), hieromonk. E. V. Dombrovskaya: tserkovnyy chelovek v usloviyakh natsistskoj okkupatsii [E. V. Dombrovskaya: church man in the conditions of Nazi occupation]. *Smolenskiye eparkhial'nyye vedomosti*, 2014, no. 2 (81). (In Russian).

7. AUFSSBO — Arkhiv Upravleniya FSB po Smolenskoj oblasti [Archive of the Office of the FSB in the Smolensk region]. Fol. 15827–s. Pp. 255–256. (In Russian).

8. GAVO — Gosudarstvennyy arkhiv Vitebskoj oblasti [State Archive of Vitebsk region]. Fund 2290. Aids 1. Fol. 25. P. 66v. (In Russian).

9. Guderian (2003) — Guderian G. *Vospominaniya soldata* [*Memoirs of a Soldier*]. Smolensk, 2003. (Russian translation).

10. K 60-letiyu osvobozhdeniya Smolenshchiny (2003) — ...Vse sud'by v edinuyu slity... *Po rassekrechennym arkhivnym dokumentam. K 60-letiyu osvobozhdeniya Smolenshchiny ot nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov* [...All destinies are merged into one... According to declassified archival documents. To the 60th anniversary of the liberation of Smolensk from Nazi invaders]. Ed. by N. G. Emel'yanova, A. M. Dedkova, O. V. Vinogradova, G. V. Gavrilo, V. A. Kononov. Smolensk, 2003. (In Russian).

11. Lisovskaya — Lisovskaya N. P. *Vospominaniya B. G. Men'shagina, zapisannyye na magnitofonnuyu plenku 10 iyunya 1978 goda*. Mashinopis' [*Memories of B. G. Menshagin recorded on tape on June 10, 1978*. Typewriting]. Arkhiv Mezhdunarodnogo pravozashchitnogo obshchestva «Memorial», Moskva [Archive of the International Human Rights Society “Memorial”]. Fund 147. Aids 1. Item 19. (In Russian).

12. Makarov: Zametki — Makarov A. A. *Zametki o B. G. Men'shagine (po materialam arkhiva Obshchestva «Memorial»)* [Notes on B. G. Menshagin (based on the materials of the “Memorial” Society archive)]. Ruthenia.ru. Available at: <http://www.ruthenia.ru/archiv.html?topic=all&fromday=01&frommonth=01&fromyear=1999&tillday=01&tillmonth=11&tillyear=2011&start=601> (accessed: 28.09.2019). (In Russian).

13. Martos (2000) — Afanasiy (Martos), archbishop. *Belarus' v istoricheskoy, gosudarstvennoy i tserkovnoy zhizni* [*Belarus in historical, state and church life*]. Minsk, 2000. (In Russian).

14. Men'shagin: Vospominaniya — Men'shagin B. G. *Vospominaniya o perezhitom. 1941–1943, napisano vnachale 1970-kh v Moskve i na podmoskovnoy dache*. Mashinopis' [*Memories of the past. 1941–1943, written at the beginning of the 1970s in Moscow and at a summer cottage near Moscow*. Typewriting]. Arkhiv Mezhdunarodnogo pravozashchitnogo obshchestva «Memorial», Moskva [Archive of the International Human Rights Society “Memorial”]. Fund 104. (In Russian).

15. Men'shagin (1988) — Men'shagin B. G. *Vospominaniya. Smolensk... Katyn'... Vladimirskaya tyur'ma...* [Memoirs. Smolensk ... Katyn ... Vladimir Prison ...]. Ed. by A. Gribanov, N. Gorbanevskaya, G. Superfin. Paris: YMCA-Press, 1988.

16. Men'shagin (2017) — Men'shagin B. *Vospominaniya o perezhitom. 1941–1944* [*Memories of the past. 1941–1944*]. Publ. and preface by Pavel Polyan. *Novyy mir*, 2017, no. 12 (1112). (In Russian).

17. *Novyy put' — Novyy put'* [New way]. 03.01.1943, no. 2 (124); 31.01.1943, no. 9 (131); 30.05.1943, no. 40 (184); 13.06.1943, no. 46 (168); 12.08.1943, no. 63 (185). (In Russian).

18. Pamyatnaya knizhka (1912) — *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Kaluzhskoy gubernii na 1912 god*. *Izdaniye Kaluzhskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta F.F. Kadobnova. XXIII-y god izdaniya* [*Memorial book and address-calendar of the Kaluga province for 1912. Edition of the Kaluga Provincial Statistical Committee F.F. Kadobnov. The 23rd year of publication*]. Kaluga: Tipo-litografiya Gubernskogo Pravlenniya, 1912. S. 64. (In Russian).

19. Pamyatnaya knizhka (1913) — *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Kaluzhskoy gubernii na 1913 god*. *Izdaniye Kaluzhskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta pod redaktsiyey Sekretarya Komiteta F.F. Kadobnova. XXIV-y god izdaniya* [*Memorial book and address-calendar of the Kaluga*

province for 1913. Edition of the Kaluga Provincial Statistical Committee F.F. Kadobnov. The 24th year of publication]. Kaluga: Tipo-litografiya Gubernskogo Pravleniya, 1913. S. 70. (In Russian).

20. Simbirtsev (2008) — Simbirtsev I. *Spetssluzhby pervykh let SSSR. 1923–1939: Na puti k bol'shomu terroru* [Special services of the first years of the USSR. 1923–1939: Towards Great Terror]. Moscow, 2008. (In Russian).

21. Superfin (1988) — Superfin G. Boris Georgiyevich Men'shagin. Men'shagin B. G. *Vospominaniya. Smolensk... Katyn'... Vladimirskaia tyur'ma...* [Boris Georgievich Menshagin. Menshagin B. G. Memoirs. Smolensk ... Katyn ... Vladimir Prison ...]. Ed. by A. Gribanov, N. Gorbanevskaya, G. Superfin. Paris: YMCA-Press, 1988. (In Russian).

22. *Tragediya sovetskoy derevni* (2004) — *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. 1927–1939: Dokumenty i materialy*. V 5 t. [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939: Documents and materials. In 5 vols.]. Ed. by V. Danilov, R. Manning, L. Viola. Vol. 5: 1937–1939. Book 1: 1937. Moscow: ROSSP·EN, 2004, pp. 56–57. (In Russian).

23. Shkarovskiy (2002) — Shkarovskiy M. V. *Natsistskaya Germaniya i Pravoslavnaya Tserkov'* [Nazi Germany and the Orthodox Church]. Moscow, 2002. (In Russian).

24. Shcherov (2005) — Shcherov I. P. *Kollaboratsionizm v Sovetskom Soyuze 1941–1944: tipy i proyavleniya v period okkupatsii* [Collaborationism in the Soviet Union 1941–1944: types and manifestations during the period of occupation]. Smolensk, 2005, pp. 117–118. (In Russian).